

УДК 82.091

Б.И. КАНТОМИРОВА, А. Н. ГАЙВОРОНСКАЯ-КАНТОМИРОВА

b.cantomirova@yandex.ru, ankant2007@yandex.ru

Волгоградская санаторная школа-интернат «Созвездие»

ПОЛИМОРФИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПОТОКОВ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ ВОЛШЕБНОЙ РУССКОЙ СКАЗКИ

Характеризуются информационные потоки, обеспечивающие гармоничность бытийности пространства и времени волшебной русской сказки. Введена авторская система условных названий, отражающих семантическую доминанту этих потоков.

Ключевые слова: пространство, время, волшебная сказка, информация, семантика, связь, сообщение, символ.

Категории времени и пространства в русской волшебной сказке – сами по себе явления таинственные и неразгаданные. Очевидно, они существенно трансформировались в ходе исторической эволюции, адаптировались к промежуточным представлениям на конкретном этапе развития общества. В.Я. Пропп полагает: «статистические, остановочные элементы сказки древнее, чем ее пространственная композиция. Пространство вторглось во что-то, что существовало уже раньше. <...> Все элементы остановок существовали уже как обряд. Пространственные представления разделяют на далекие расстояния то, что в обряде было фазисами» [6]. Фольклорист иллюстрирует свои утверждения различными сказочными фрагментами, описывающими классическую ситуацию переноса героя (например, конем) сразу на огромное расстояние («Слетевшая с головы шапка уже оказывается за тысячи верст, когда он хочет за нее хватиться» [Там же]) и намеренного замещения традиционной сказочной формулой «ехал долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли» [Там же] подробного описания пути героя. В этой формуле кроме означенной фольклористом категории пространства неизменно присутствует и категория времени, с которым в сказке также связаны удивительные метаморфозы: действие молодильных яблок, купание в кипящей воде (молоке) с последующим омоложением, способность героя всегда успевать на свадьбу (где соперник – обманным путем – пытается связать свою судьбу с судьбой добытой не им, а героем царевны) несмотря на долгий путь, трудные испытания и т.д. Это дает возможность предположить, что и категория времени вторична (есть лишь одно – идеальное сказочное время (и оно тоже статично) – молодости и процветания: «Волшебная сказка охватывает обычно определенный этап жизни героя – от рождения или от юности, но непременно до его женитьбы» [3]; любые смещения на периферию – лишь повод к сказочному испытанию).

Принимая как данность условность временных и пространственных рамок, нельзя не отметить парадоксальную вариативность средств «достигаемости» – передачи информации, связанной с необходимостью преодоления расстояния и протяженностью этого процесса во времени. Владение информацией оказывается знаком сказочного преимущества (невладение – зависимости и слабости). Возвращающийся из чужедальних странствий царь хочет напиться студеной воды, морской царь хватается за бороду: «“Какой хочешь возьми выкуп – только отпусти!” – “Давай то, чего дома не знаешь”. Царь подумал-подумал – чего он дома не знает? Кажется, все знает, все ему известно – и согласился» [2, с. 102]; так за свою свободу царь расплачивается сыном, о рождении которого пока не знает. Герой-«добытчик» (чудесных предметов и царевны) о диковинах заранее не знает, информацию получает от царя, располагающего преимущественно властью (тот же узнает о чудесных предметах или царевне от воеводы (советника, коменданта), попадая в психологическую зависимость от них. Добыча диковинок и обладание ими (раскодирование информации и пользование ею) дает герою неизменное преимуще-

тво и знаменует победу над царем, не приложившим усилий к обретению. Называние предмета (знание его словесного кода) существенно облегчает задачу героя (конь или жена – помощники уверяют, что это еще не служба), отсутствие же «кода» – напротив, задачу усложняет (Федот-стрелец, получивший от царя задание сходить туда – не знаю куда, принести то – не знаю что, слышит от жены: «Да, это служба немалая! Чтоб туда добраться, надо девять лет идти да назад девять – итого восемнадцать лет; а будет ли толк с того – бог ведает!» [4, с. 167]). Важнейшим пунктом в таких поисках становится встреча с существом, владеющим соответствующей информацией (колченогая лягушка в сказке «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что», кривая волчица в сказке «Иван-царевич и Белый Полянин» и т.д.).

Владение информацией (или отсутствие ее) организует все звенья сказочной композиции – от завязки («В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. *Как узнали* про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною» [Там же, с. 112], умирающий отец просит сыновей три ночи караулить у могилы, – в сказке это тоже момент передачи знания или дара, скрываемой до определенного момента информации) до развязки (например, царь узнает о вероломстве старших сыновей, старшей сестры жены и по-своему расправляется с ними). Информация (или информационная недостаточность) становится основой устройства всех пунктов сказочного действия, обуславливает пространственные и временные «скачки» – переводит из одного композиционного пункта в другой.

Способы передачи информации многообразны. По тому, каким путем она осуществляется, можно судить об индивидуальных особенностях сказки. Очевидно, что сообщение письмом или запиской относится к сказкам позднего периода («Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет» [Там же, с. 97]). Гораздо раньше возникли сказки, в которых упоминаются сапоги-скороходы, ковры-самолеты, позволяющие преодолевать расстояние в короткие сроки. Однако основу данного исследования составляет не соответствующая периодизация, а многообразие способов сохранения и передачи информации. А уже их анализ позволит сделать выводы и о других характерных особенностях сказок.

Самым продуктивным способом передачи информации на любом расстоянии оказывается все то же *словесное «кодирование»* – герой обретает знание о чем(ком)-либо (узнает его имя) → получает над ним власть → может обратиться к нему в нужный момент, произнеся только словесный код (Емеля произносит «по щучьему велению» → слово достигает неведомого слуха → реакцией на слово становится действие; Иван зовет Сивку-бурку, прибегая к сопутствующему ритуалу: «свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком» [7, с. 248] → информация доносится неведомым способом → конь неизменно приходит на помощь; Иван Бесталанный словом призывает своих помощников: «Эй, воробей, помнишь ли мое добро? А воробей уже тут» [Там же, с. 260]; к солдату является нечистый, лишь только служивый о нем вспоминает. Слово в волшебной сказке, согласно исследованиям фольклористов, находится в непосредственной связи с действием, оно это действие объясняет. Д.Н. Медриш выделяет несколько наиболее значимых видов сказочного слова: «сообщение», «пожелание», «запрет», «оговор» [3]. Анализируя особенности каждого вида, ученый приходит к выводу: ««Сообщение» и «оговор» в другой повествовательной структуре могли бы служить примером антитезы; так же противоположны по значению «пожелание» и «запрет». Волшебная сказка пренебрегает этими различиями. Для нее важно, что все это произнесенное слово, связь которого с событием однозначна и неотвратима. В результате любое произнесенное слово приобретает силу мотивировки» [Там же]. Схема передачи информации в этом случае не требует и не может иметь разъяснения. Принцип действия похож на описанный в работе Е.М. Неелова: «... в фольклорной волшебной сказке никогда не рассказывается об устройстве и механизме действия ковра-самолета, шапки-невидимки <...>. И это не случайно, ибо напрямую связано с функцией, которую выполняет волшебство в фольклорной

сказке» [5], все происходит «само по себе», и это способствует целостному пониманию сказки, ориентированию в ее пространственно-временном поле.

Другой способ передачи информации на расстоянии – *телепортация изображения*, осуществляющаяся при помощи чудесных предметов: волшебного зеркала, серебряного блюдечка и т.д. «Достоверность» сообщения подтверждается и народной пословицей «Лучше один раз увидеть, чем сто раз слышать». Праобраз современного телевидения и интернет-сообщения ограничен в действии заданной сказочной «программой» – предметы «показывают» только то, что более всего необходимо увидеть героине (поскольку обладают такими предметами чаще всего героини): «Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист – ясный сокол» [7, с. 168]; «...она все видит – у нее зеркало такое есть. Она и тебя сейчас видит небось». И правда, Елена увидела Ивана в свое зеркальце» [Там же, с. 257]. Принцип действия у диковинных предметов одинаков, однако функции различны: блюдечко «воспроизводит» известный сюжет с характерной периодичностью, зеркало необходимо для открытия героя (показывает новое). В.Я. Пропп замечает, что чаще всего герой пытается в первый раз спрятаться в поднебесье, а героиня, глядя в зеркало, раскрывает его небесный маршрут: «зеркало пришло на смелую небу» [6]. Чудесные «экраны» восполнили недостаток информации, получить которую иным способом оказалось невозможно.

Функциональным аналогом зеркала оказывается волшебная книга. С ее помощью героиня находит (или узнает) героя: «Рассердилась Елена Прекрасная, побежала в свою почивальню и стала смотреть в волшебную книгу: сам ли царевич угадывает или кто ему помогает!» [4, с. 195]; «Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат» [2, с. 94]; «Открыла Елена Премудрая отцовскую книгу. И читает там: “Иван в зерне, а зерно в воробье, а воробей сидит на плетне”» [7, с. 261].

Книга не только участвует в обнаружении героя. К ней героини обращаются в поисках ответов на трудные вопросы и для получения помощи в выполнении сказочной задачи: «Муж заснул, а жена вышла на крылечко, развернула свою волшебную книгу – и тотчас явились перед ней два неведомых молодца: “Что угодно – приказывай!” – “Возьмите вот этот шелк и за единый час сделайте мне ковер, да такой чудный, какого в целом свете не выдывали”» [2, с. 121]. Чаще всего волшебная книга оказывается основной частью приданого или главным показателем сказочного могущества ее обладательницы, знаком избранности, выражающейся в значительном интеллектуальном преимуществе над остальными персонажами. Культ книги характерен для русского народа, сложившего множество пословиц о значимости книги вообще.

Еще один вид передачи сказочной информации может быть охарактеризован как *волновое сообщение*, возникающее за счет передачи звукового импульса. Часто это единственный способ узнать, далеко ли погоня: «Иван-царевич! Припади к сырой земле – не слышать ли погони?» [7, с. 215]. Герои не пренебрегают им, даже понимая, что он отнимает некоторое время (в этом смысле «слушание» становится определенным сказочным ритуалом). Волновое сообщение обеспечивает межпространственную и межвременную связь в сказке: «Ну, какой я богатырь! Вот есть на свете богатырь Иван. Когда ему было три года, он волка – медного лба убил. Вся земля задрожала» [1, с. 133]. Звуковой резонанс играет роль сигнализации: «лишь только снял золотую клетку, как вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны подведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Иван-царевича с жар-птицею» [2, с. 139], волнового «маяка»: «Сиди на лугах и ожидай меня три дня, в гусли играй, а глаз не смыкай» [1, с. 326], – просит кобылица-златогривица перед тем, как спускаться на морское дно за каретой, зная, как труден будет для нее обратный путь. Этот продуктивный способ передачи информации активно «работает» в произведениях фольклора более позднего времени (например, в былине о Садко), он органично воспринимается и современным слушателем, читателем потому что не противоречит законам науки и представлениям об окружающем мире.

Гораздо сложнее устроено *интуитивное сказочное сообщение с помощью предметов, обладающих символической семантикой*. Здесь информация не передается через традиционные каналы. Она

воспринимается интуицией при необходимом минимуме общих знаний о чем-либо участников такого общения. Отправляясь на поиски Марьи Моревны, Иван-царевич оставляет зятьям – Орлу, Соколу и Ворону серебряные предметы. Потемнение серебра означает смерть или болезнь царевича («В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело. – Ах, – говорят они, – видно, беда приключилась!») [7, с. 238]. Иван Быкович собирается на бой с Чудом-юдом: «...взял он белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: “Я на страшный бой иду, а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь <...> если через край польет – тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помощь мне!”» [2, с. 66–67]. Герой сказки «Кошей Бессмертный» собирается подниматься по лестнице, открывшейся в горе: «...выдавил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит: “Если в стакане кровь почернеет, не ждите меня – я умер!”» [Там же, с. 78]. По засохшим верхушкам чудесных деревьев узнает героиня сказки «Заколдованная королева» о том, что настигла мужа беда в пути. Во всех случаях присутствует ассоциативная связь между предметами, упомянутыми в сказках, и народными приметам и суевериями (часто существующими и по сей день). Эта связь укрепляет названные элементы сказочной композиции в пластах ментальности, позволяет русскому человеку чувствовать их образную природу, принимать как данность, не подвергая научному анализу.

Семантически приближается к этому виду сообщения узнавание по оставленной вещи: отцы оставляют своим детям предметы, по которым через сколько-нибудь лет должны узнать их («Глянул Еруслан Лазаревич на богатыря и заметил – что-то блеснуло у юноши на руке. Еще взглянул, узнал свой перстень, и пало ему на ум: “Уж не сын ли мой?”» [1, с. 276], женихи получают от своих суженых подарки («Заржал конь пуще прежнего, ударил о землю копытами, прыгнул – и доскочил до окна! Поцеловал Иванушка Елену Прекрасную в алые губы, снял с ее пальца заветный перстень и умчался» [7, с. 249]).

Рассмотренные виды сказочной коммуникации исполняют общую функцию передачи информации. Однако в русской волшебной сказке представлены и удивительные способы ее сохранения. Наиболее распространенным является *сохранение информации о целом в его составной части, детали, символическом предмете*. Дочь купца просит привезти ей перышко Финиста – ясного сокола, зная, что владение перышком поможет ей стать невестой самого Финиста. Царевич не отпускает Ворона до тех пор, пока тот не отдаст ему посошок-перышко, в котором вся сила Ворона и заключается: «Отдал царевичу посошок-перышко, сам сделался простым вороном» [2, с. 74]. Царевны подземных царств умеют обращать свои дворцы медными (серебряными, золотыми) яичками – где им потом захочется, так и хоромы раскинутся – надо только покатить яичко. Жизнь Кощеева тоже от малой иглы (яйца) зависит.

Сказка уже сама по себе является бесценным источником информации. Обращаясь к исследованию средств коммуникации и сохранения информации, можно получить представление о том, какое большое значение придавал русский народ развитию процесса коммуникации, как мечтал совершенствовать его, и какие смелые мечты наших предков превратились сегодня в чудесную реальность.

Литература

1. Иван Меньшой – разумом большой: русские сказки / пересказ. А. Нечаев. М.: Дет. лит., 1979.
2. Круглов Ю.Г. Русские народные сказки: кн. для самост. чтения. 4–6 кл. // сост., автор предисл., примеч., словаря Ю.Г. Круглов. М.: Просвещение, 1983.
3. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция. Вопросы поэтики. URL: <http://royallib.com> (дата обращения 03.08.2015).
4. Народные русские сказки: из сборника А.Н. Афанасьева // вступит. ст. и словарь Аникина В.П. М.: Худож. лит., 1982.
5. Неелов Е.М. Фольклорный интертекст русской фантастики. URL: <http://www.нашеобразование.рф/4/33.htm> (дата обращения 21.08.2015).
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. URL: <http://royallib.com> (дата обращения 18.07.2015).
7. Русские народные сказки / сост., вступ. ст., примеч. Аникина В.П. М.: Дет. лит., 1985.

KANTOMIROVA B.I.

Volgograd Sanatorium Boarding School «Sozvezdiye»

POLYMORPHISM OF INFORMATION FLOW IN SPACE AND TIME OF A FAIRY TALE

The article is dedicated to description of information flow as a thing which enables harmonious existence of space and time in a fairy tale. The author's own system of nominations is represented; it reflects the flow's semantic dominant.

Key words: space; time; a fairy tale; information; semantics; connection; communication; symbol.